

найдется место и для нее: на подножке вагона с провиантом и боеприпасами, идущего в сторону фронта.

Поэтому армейское командование считало, что после смены фасада власти «инцидент исчерпан».

Но был ли он исчерпан для страны? Для трудящихся масс? Для них все было наоборот: революцию совершали не для того, чтобы она служила войне; наоборот, война должна была служить революции. Но это могло произойти только в одном случае: если бы революция не ограничилась сменой фасада.

До революции взывать к массам было бесполезно. Никакого патриотизма у них не осталось. Бедность и рабство, перешедшие всякие пределы, убили в них любовь к отечеству. В этой стране просто *ничего было защищать*. Даже жупел вражеского завоевания никого не пугал. Терять нечего. Хуже все равно не будет.

Теперь задача революции заключалась в том, чтобы вдохнуть новое содержание в голую *форму* объявленной свободы и внутри этой формы создать ценности, которые народ стал бы защищать, не жалея собственной крови.

Глава 17

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ

Драма Корнилова — одна из самых захватывающих страниц в истории революции. Страсти, поднявшиеся вокруг этого движения, еще не улеглись. Некоторые расценивают его как безумную попытку, уничтожившую внутреннее равновесие страны и ставшую прелюдией к большевизму. Другие считают, что при удачном завершении это было бы единственное средство предупредить большевистскую катастрофу. Для одних мятеж был политической авантюрой упрямого и честолюбивого человека, для других — безнадежным, трагическим, жертвенным взрывом «героизма отчаяния». Одни думают, что это был хладнокровный заговор со «злым умыслом». Другие называют его «величайшей провокацией» врагов и недоброжелателей генерала, стремившихся возвыситься за его

счет и выполнить программу генерала ценой его гибели. Одни считают его симптомом созревавшей в тиши контрреволюции; другие видят в нем самоотверженную борьбу, лишенную политических или социальных нюансов, за создание на фронте условий, которые сделали бы возможной если не победу, то хотя бы избавление России от уничтожения (в том числе и от уничтожения революцией).

Историку русской революции приходится иметь дело как с «легендой о Корнилове», так и с «загадкой Корнилова».

Склонный к авантюрам, нетерпеливый и недисциплинированный, плебей по происхождению, Корнилов многим казался бессребреником, человеком большого усердия, скромных привычек и огромного личного мужества. Другие называли его резким, несдержанным, болезненно чувствительным и самоуверенным. По словам представителя левого крыла, революционного генерала Верховского, Корнилов «производил сильное впечатление... У Корнилова львиное сердце, в его жилах течет горячая кровь бойца... но когда он начинает говорить о политике, чувствуешь, что это не его стихия»¹.

Корнилов начал свою карьеру как разведчик-одиночка и закончил ее горькой, блестящей и все же безуспешной партизанской войной против многочисленных, но плохо организованных большевистских банд на Северном Кавказе. Корнилов чувствовал, что может совершить нечто необыкновенное, и был совершенно прав. Он ошибся только в одном — в масштабе и характере этого подвига.

В 1915 г. Корнилов грубо нарушил приказ и попал в плен. Осенью 1916 г. он бежал. Слухи и их позднее раздувание превратили этот побег в легенду. Действительность была более прозаической. Как позже выяснил австрийский военнопольевой суд, чех Франц Мрناق за 20 000 крон золотом, которые Корнилов пообещал заплатить ему, когда окажется в России, достал ему форму австрийского солдата, забрал из военного госпиталя и довез до границы. Мрناق был задержан, но Корнилов бежал и впоследствии слишком многое рассказал российским репортерам. Мрناق был осужден на двадцать пять лет военной тюрьмы. Чеху дорого обошлась словоохотливость человека, которому он помог.

После Февральской революции председатель Временного комитета Думы Родзянко попросил царскую ставку «для восстановления полного порядка и спасения столицы от анархии» назначить «боевого генерала, доблестного героя, известного всей России, генерал-лейтенанта Корнилова» командующим Петроградским военным округом. Генерал Алексеев «почтительнейше доложил» об этом царю по телеграфу и попросил «согласия его величества государя императора» на это назначение с целью «успокоить столицу и навести порядок в частях», которые уже нарушили существующий «порядок». Николай II написал на телеграмме: «Исполнить».

Прибыв в Петроград, Корнилов первым делом посетил Совет. Разговор был любопытный. Конечно, Совет не имел ни малейшего понятия, что обсуждает совместную задачу с генералом, назначенным «по августейшему повелению» защитить «порядок». Такие вещи тщательно скрывались.

Во время пребывания в австрийском плену Корнилов часто выражал желание «вздернуть всех этих Милюковых», а сейчас был вынужден помогать этим «висельникам» против еще худших — лидеров Совета. Вся Россия полевела, и Корнилов полевел до уровня Милюкова и Гучкова. Когда в апреле буйные демонстрации рабочих и крестьян требовали отставки Милюкова, Корнилов быстро выкатил пушки и повел кавалерию к Мариинскому дворцу. Чтобы предотвратить гражданскую войну, Совет был вынужден действовать как революционное правительство и запретить все демонстрации и выход частей на улицу. Даже части, подчинившиеся Корнилову, спрашивали у Совета, что означают приказы генерала и следует ли их выполнять.

Едва ли в то время Корнилов собирался стать диктатором. Но он был глубоко оскорблен тем, что Совет одним росчерком пера восстановил порядок там, где он сам оказался бессилем. Его петроградская миссия полностью провалилась. «Несомненной слабостью Корнилова была его неспособность организовать административную сторону дела», — пишет Станкевич². Кроме того, стоило Корнилову потерять прямой контакт с солдатами, как его авторитет среди них тут же упал. Его суровость и «временами грубое обращение» с подчиненными были есте-

ственны на фронте, но в тылу выглядели совсем по-другому. «Если на фронте ему часто удавалось управлять частями с помощью личного мужества и живописных выражений, то теперь настали времена, когда части отказывались выходить из казарм приветствовать своего командующего, свистели ему и даже срывали георгиевский флаг с его машины». Корнилов очутился в чересчур сложной ситуации; «он не мог ни повлиять на правительство, ни требовать уважения со стороны Совета». Чувствуя, что Совет узурпировал его власть, Корнилов решил подать в отставку. Деникин добавляет, что у него была для этого еще одна причина: «Командующий Петроградским военным округом подчинялся не ставке, а военному министру... Гучков ушел в отставку, а подчиняться Керенскому, заместителю председателя Совета, Корнилов не желал». Но хуже всего было то, что Корнилов покинул столицу с твердым убеждением, что «безжалостная чистка Петрограда неизбежна»³.

Перед своей отставкой Гучков пытался назначить Корнилова командующим Северным фронтом вместо Рузского, который был уволен Алексеевым за «слабость и оппортунизм», то есть за попытки демократизировать армию. Алексеев решительно воспротивился назначению Корнилова, заявив, что у последнего «недостаточно командного опыта». Гучков настаивал на необходимости «сильной руки» на Северном фронте и «желательности нахождения Корнилова в непосредственной близости от столицы на случай будущих политических возможностей». Алексеев отказался приносить стратегию в жертву политике. «Гучков настаивал, Алексеев отказывал. Главнокомандующий еще никогда не был так неуступчив. Алексеев сам угрожал подать в отставку». Создатель стратегии участия России в мировой войне боялся доверить целый фронт такому упрямому, импульсивному и неуравновешенному человеку.

Спор закончился компромиссом: Корнилов стал командующим 8-й армией (на Юго-западном фронте). «Он тут же подружился с Борисом Савинковым, комиссаром Временного правительства в этой армии, и начал подкапываться под командующего Юго-западным фронтом, которого вскоре сменил», — говорит Брусилов, следуя лишь внешней форме событий. Корнилов ни под кого не подкапывался. Просто он

принадлежал к «воинственным» и «непримиримым» генералам, которые естественно противостояли «оппортунистам», а еще больше — генералам, которые хотели демократизировать армию. А Савинков не «подружился» с Корниловым; он нашел в этом человеке тот самый таран, который долго искал.

Некогда выдающийся революционер, создатель террористической Боевой организации партии социалистов-революционеров, сейчас Савинков был внутренне пуст. Он потерял веру в людей, смотрел на них сверху вниз и враждебно относился к бывшим друзьям, которые подозревали его в склонности к авантюризму. Обладавший ослепительными талантами и еще более ослепительными недостатками, дерзкий, самоуверенный, беспокойный, молчаливый, но иногда склонный к высокопарному красноречию и трагической экзальтации, он переоценивал свои силы и верил, что на горизонте революции его звезда будет сиять ярче всех остальных. Во время войны этот потенциальный царевич, бывший социал-демократ, позже социалист-революционер, заигрывавший с индивидуалистическим анархизмом, поразил своих бывших друзей заявлением, что в военное время каждый шаг против царизма или капитализма является преступлением против отечества. Ближайшие помощники Савинкова повернулись к нему спиной, и он отплатил им той же монетой; некоторые продолжали хранить ему верность, но он сам с презрением оттолкнул их. Воинственность, развившаяся в нем за годы террористических партизанских действий, незаметно переросла в страсть к войне как к таковой, в неестественную, нездоровую, «апокалиптическую» страсть. Он не имел четкой политической программы и жил только отрицанием. Старые друзья, к которым он питал враждебность ренегата, с головой погрузились в работу Советов; лейтмотивом политики Савинкова стало стремление освободить правительство от влияния Советов и, конечно, партий, потому что в собственной партии Савинков чувствовал себя отверженным. В правительстве он нашел человека, который, казалось, был создан для целей Савинкова. Для Савинкова Керенский был долгожданным воплощением революционной личности, способной сопротивляться всем партиям, Советам и комитетам, некоего «сверхчеловека», стоящего над партиями. Савинков понял

внутреннюю слабость этого «сверхчеловека» и предоставил себя в его распоряжение, рассчитывая овладеть его волей и воспользоваться его популярностью. Керенский мечтал о «диктатуре слова». Савинков, душа которого была опалена (а возможно, и сожжена) пламенем сурового терроризма, намекал ему, что пока все в порядке, но настанет такой момент, когда *gegen Demokraten helfen nur Soldaten* [вместо демократов помогут солдаты (нем.). — *Примеч. пер.*]. Ему был нужен генерал, не слишком искушенный в общественных делах, требующий политического руководства, но способный не моргнув глазом отдать приказ «Товсь! Пли!» независимо от того, сколько людей перед ним стоит и что это за люди. Внезапно Савинков открыл Корнилова; более подходящий инструмент нельзя было себе представить. Так аббат Сийес когда-то надеялся руководить молодым Наполеоном Бонапартом.

В книге о Корнилове Савинков описывает свой план избавления правительства от влияния советской демократии. «Первым шагом было назначение генерала Корнилова командующим Юго-западным фронтом». Этому шагу мешало то, что у Корнилова была репутация неудачника; как деликатно выражается Станкевич, «судьба не дала ему возможности проявить свои стратегические таланты». Но когда генералу улыбнулся успех (8-я армия прорвала оборону австрийцев и взяла Калуш и Галич), Савинков воспользовался этим как трамплином, чтобы вместе с Корниловым прорваться в высшее военное руководство. «Галичские лавры не без основания оспаривал генерал Черемисов», но это Савинкова не смущало. Позднее он писал: «Конечно, военный успех генерала Корнилова был для меня только предлогом»⁴. Теперь стратегию можно было принести в жертву политике, что и случилось. Но с этим примирились далеко не все. Керенский признается, что «он столкнулся с таким же сопротивлением Брусилова, с каким Алексеев сопротивлялся Гучкову»⁵. Но сопротивление только подстегивало Керенского. Например, он доверял Савинкову; никакие предупреждения руководства партии эсеров не могли изменить намерения Керенского сделать Савинкова своей правой рукой в военных вопросах. «На назначении Корнилова командующим Юго-западным фронтом настоял Керенский»⁶.

Как Корнилов и его сторонники относились к Савинкову? «Я не верю Савинкову», — однажды обмолвился Корнилов. А Деникин описывает Савинкова следующим образом:

«Сильный, жестокий, не признающий никаких моральных ограничений, презиравший Временное правительство и Керенского, но поддерживавший обоих, как он говорил, «из соображений выгоды», Савинков был готов в любой момент свергнуть кабинет. Он считал Корнилова только орудием в своей борьбе за сильное революционное правительство, в котором он сам играл бы первостепенную роль».

Впрочем, ничто не мешало Корнилову попытаться сделать Савинкова *своим* орудием.

Учитывая это, и Савинков, и Корнилов предприняли меры против своего потенциального оппонента. Один из помощников Корнилова, Завойко, обратился к Филоненко, который был правой рукой Савинкова: существует заговор, целью которого является провозглашение великого князя Николая Николаевича диктатором; эту опасность нужно предотвратить; готовы ли Савинков и Филоненко поддержать Корнилова? Встревоженный Савинков советуется со своими помощниками. Один из них, эсер Гобечиа, предлагает разрубить узел: как старый революционер, он готов при необходимости пожертвовать собой, пойти и убить генерала Корнилова. Но Корнилов тоже не дремлет: перед решительным разговором с Савинковым он призывает верный ему Текинский полк. Савинков говорит Корнилову: «Генерал, я знаю, что при необходимости вы расстреляете меня не моргнув глазом, а вы знаете, что я хладнокровно сделаю то же самое, если приду к выводу, что вы рветесь к власти и стремитесь стать диктатором. На основе этой взаимной оценки можно создать прочный союз; цель у нас одна, и мы должны достичь ее вместе, а для гарантии успеха подключим Керенского». Корнилов соглашается, союз заключен. Савинкову не нужно посылать Гобечиа с револьвером, а Корнилову не нужно поднимать в ружье Текинский полк.

Союзники начинают кампанию. Всего через два дня после своего назначения командующим Юго-западным фронтом Корнилов предъявляет ультиматум Временному правительству.

Момент выбран очень удачно: на фронте катастрофа. За злощастным «наступлением Керенского» последовало крупное контрнаступление немцев. Единственной армии, которой удалось добиться успеха (8-й Корнилова, которой теперь командовал Черемисов), грозил обход с флангов, окружение и уничтожение. Корнилов требует для командования чрезвычайных полномочий, право на которые одновременно следует включить в боевые уставы. «Если правительство не согласится на меры, которые я предлагаю, и лишит меня единственного средства спасения армии... я, генерал Корнилов, сложу с себя обязанности командующего».

Корнилов не жалеет правительство. Он бьет прямым о Керенского, с презрением говоря о людях, которые «думают, что могут с помощью слов командовать на поле боя, где царят смерть, измена, трусость и эгоизм». Он угрожает: «Либо революционное правительство покончит с этим безобразием, либо история неизбежно выведет вперед других людей». Кто же эти «другие люди»? Нетрудно догадаться: «Я, генерал Корнилов, посвятивший всю свою жизнь беззаветному служению отечеству, по собственной инициативе заявляю, что отечество гибнет». Тем самым он выдвигал свою кандидатуру на роль спасителя.

Позже выяснилось, что эту телеграмму отредактировал Савинков. В первоначальном тексте содержалась «скрытая угроза в случае невыполнения Временным правительством предъявленного требования установить на Юго-западном фронте военную диктатуру». Получив согласие Корнилова на удаление этой фразы, Савинков заявил Керенскому, что он «поддерживает каждое слово» заявления генерала.

Телеграмма от 11 июля была секретной, и Керенский смирился с ее содержанием, включая неллицеприятные высказывания о самом себе. Однако 12 июля она была опубликована в газете «Русское слово». Все пошло насмарку. Керенский пришел в бешенство. В ставке было назначено совещание командующих всеми фронтами, но Корнилову сообщили, что его присутствие не требуется.

Казалось, что план Савинкова «поженить» Корнилова и Керенского и создать новый, чисто военный триумvirат для

решения судьбы революции с треском провалился. Однако на совещании произошло два недоразумения, которые пришли ему на выручку.

Первое недоразумение, самое пустяковое, произошло между Керенским и Брусиловым. Вот как его описывает последний:

«Нам сообщили, что министр прибудет в 14.30, но он приехал на час раньше, когда мы с начальником штаба готовили оперативные приказы. Приехать на станцию вовремя, чтобы приветствовать его, я уже не успевал. Ввиду срочности решавшихся вопросов мы решили никуда не ехать; генерал Лукомский посоветовал то же самое... Нашу работу прервал адъютант Керенского, передавший требование министра, чтобы мы с начальником штаба немедленно прибыли на станцию. В тот же день я услышал, что на станции Керенский кипятился и выходил из себя, говоря, что генералы совсем распустились, что с них следует снять стружку, что я сознательно игнорировал его, что он требует уважения к себе, что «бывших» встречали на станции в любую погоду и стояли там часами до самого конца... Все это было очень мелко и смешно, особенно на фоне трагической ситуации на фронте, которую я в то время обсуждал со своим начальником штаба».

Этот эпизод так же описывают другие участники совещания Деникин, Лукомский и Алексеев. На следующий вечер Алексеев пришел к выводу, что «дни Брусилова сочтены», но он не догадывался, что «сочтены не дни, а часы Брусилова»⁷.

Второе недоразумение произошло с генералом Корниловым. Его отсутствие на совещании из-за опалы превратилось в преимущество. Совещание было нервным, споры — острыми и бесплодными. Выступление Деникина было официальным предъявлением обвинения правительству, которое «втоптало русские знамена в грязь», и лично Керенскому, который должен был бы покаяться в случившемся, «если бы у него была совесть». Выговор, который Керенский устроил Рузскому, был резким и даже истеричным. Никаких конкретных выводов сформулировано не было. На этом фоне «девять пунктов» Корнилова казались чудом практичности. В одном пункте Корнилов, принципиальный враг комиссаров и комите-

тов, на сей раз, в полном согласии с Савинковым, выступил за создание института «корпусных комиссаров, без которых некому подписывать похоронки». В другом пункте он предлагал «немедленно провести тщательную и беспощадную чистку командного состава». Керенский, который только что вступил в острый конфликт с этим командным составом и выслушал множество нареканий на работу комиссаров и комитетов, на правительство и Советы, решил, что в ультиматуме Корнилова содержится «более широкий взгляд на вещи». Он жестоко ошибся: Корнилов всего лишь хотел скинуть на плечи комиссаров неприятную обязанность рассылать извещения о смерти, а под чисткой командного состава имел в виду избавление от «оппортунистов» и их замену непримиримыми консерваторами.

Колеса истории закрутились. По дороге из ставки в Петроград в личном поезде Керенского состоялась беседа Керенского и Терещенко со специально приглашенными Савинковым и Филоненко, в ходе которой обсуждались меры «по спасению армии и страны». Было решено убрать из правительства левых министров Чернова и Скобелева и заменить «слабого» Брусилова. Савинков свидетельствует: «Керенский прямо спросил меня, кто может заменить последнего. Я назвал Корнилова. Генерал Корнилов был назначен главнокомандующим». Продвигавших его кандидатуру тоже не забыли: Савинков стал военным министром, а беспринципного авантюриста Филоненко, «второе я» последнего, сделали верховным комиссаром ставки.

В тот момент Керенский и не подозревал, что меняет «кукушку на ястреба». Но ястреб быстро показал свои когти. В ответ на свое назначение Корнилов телеграфировал: «Как солдат, обязанный соблюдать воинскую дисциплину, я принимаю назначение, но как главнокомандующий сообщаю, что принимаю это назначение на следующих условиях: 1) я несу ответственность перед моей совестью и всем народом; 2) никто не будет вмешиваться ни в мои оперативные приказы, ни в назначения высшего командного состава». Кроме того, Корнилов требовал использования в тылу всех карательных мер, применяемых на фронте, и (самое главное) выполнения

«программы из девяти пунктов», которую он представил «военному совету».

Даже такой убежденный сторонник Корнилова, как генерал Деникин, только пожимал плечами, говоря об «очень оригинальном с точки зрения конституции взгляде на роль главнокомандующего вплоть до Учредительного собрания», выраженном Корниловым в крылатой фразе об «ответственности перед моей совестью и моим народом». Но точка зрения конституции волновала Корнилова меньше всего на свете; он претендовал на диктаторскую власть во всех военных делах. Керенский и сам довольно любопытно определил свои обязанности в первом приказе, изданном от имени военного министра: «Принимая в свои руки военную власть страны, я заявляю, что отечество в опасности... Я не буду принимать прошений об отставке, продиктованных желанием избежать ответственности». Таким образом, Корнилов частично вступал в завуалированную полемику с Керенским, а частично пародировал высказывания последнего. Савинков говорит, что он снова успокоил Керенского, заверив его, что этот новый бунтарский документ подсунули Корнилову какие-то интриганы, что генерал подписал его по беспечности и что беспокоиться не о чем. «Тогда мне даже понравилась мстительность Корнилова, — позже признавался Керенский. — Я продвигал его упорно, несмотря на сопротивление высшего командования и враждебность левых групп». Керенского не волновало, что он назначил Корнилова главнокомандующим, «несмотря на мнение военных авторитетов»⁸. В этом весь Керенский; он всегда считал себя «сверхавторитетом».

Однако на этом сложности не кончились. Назначив Корнилова главнокомандующим, Керенский одновременно назначил его преемником на посту командующего Юго-западным фронтом генерала Черемисова. Но Корнилов был абсолютно серьезен, когда требовал единоличного права назначения на высшие командные должности. Он отказался признавать Черемисова и поставил на этот пост генерала Балуева. Два человека, назначенных разными властями, должны были неминуемо столкнуться между собой. Что делать? Дуумвират в лице Савинкова и Филоненко взялся за работу. Как верхов-

ный комиссар, Филоненко позвонил Черемисову по телефону: исправить ситуацию может только «добровольное» заявление Черемисова, что он может принять назначение только от Корнилова. Изумленный генерал ответил, что он служит не лично Корнилову или кому-то другому, а России и что приказы Временного правительства не могут отменить закулисные интриги каких-то «злобещих сил». «Можете включить в эти «злобещие силы и Савинкова с Филоненко», — иронически ответил верховный комиссар ставки и повесил трубку.

Тем временем комиссар 8-й армии забил тревогу. Во время наступления Керенского наибольшего успеха добился именно 12-й корпус Черемисова. Казалось, на горизонте восходит новая военная звезда; тем более что этот человек полностью принял революцию. Комиссар заявлял, что «ситуацию могут спасти только такие люди, как генерал Черемисов». Филоненко ответил, что в таком случае Корнилов может подать в отставку, но это не произвело никакого впечатления на комиссара армии, которой Корнилов командовал до Черемисова; из этих двоих комиссар предпочитал последнего.

Конфликт между Керенским и Корниловым должен был чем-то закончиться. Разыгралась комедия. Двадцать четвертого числа Корнилов вступил в должность главнокомандующего. На следующий день в штаб-квартиру Юго-западного фронта прибыл Черемисов. Не успев выйти из поезда, генерал получил телеграмму Керенского, освобождавшую его от должности командующего фронтом и отзывавшую «в распоряжение Временного правительства»; иными словами, Черемисов лишился не только армии, которую спас в решающий момент, но и корпуса, с которым добился блестящей победы.

С того момента его мнение о Керенском было непоколебимым. Во время большевистского переворота Черемисов, к тому времени командовавший Северным фронтом, не ударил палец о палец, чтобы спасти беспомощное правительство Керенского.

Теперь Керенский и Корнилов столкнулись лицом к лицу. Керенский еще не раскусил Корнилова. Он видел лишь его «трудный характер», но не наличие четкого плана и решительной политики. Вызывающее поведение Корнилова стало сиг-

налом для его сторонников и союзников. Главный комитет Союза офицеров ставки публично заявил, что если он не сумеет выполнить корниловскую «программу из девяти пунктов» — единственное, что может спасти армию, — то члены Временного правительства «ответят за это своими головами». Вокруг кандидата в диктаторы начали группироваться реальные силы, впервые давшие себя знать за все время революции и возникшие как из-под земли.

Во время «медового месяца» революции все защитники царского режима словно бесследно испарились. Но в действительности они просто залегли на дно и стали ждать неизбежного раскола в рядах победителей. Первый правительственный кризис и замена цензового правительства коалиционным заставили контрреволюционные силы пробудиться. С начала лета антиправительственные и антисоветские общества и союзы расплодились как грибы после дождя. Из-за незнания конспирации многие из них существовали открыто, замаскировавшись под легальные, однако за фасадом легальности скрывались постепенно сужавшиеся круги подпольщиков, напоминавшие круги дантовского ада. Поскольку в армии были представлены все классы общества, большинство этих организаций стремились привлечь в свои ряды офицеров и собирались действовать, как говорил Милюков, «теми средствами, которые были в распоряжении военных». Однако конкретный план еще не прояснился. Между ними существовало согласие, но не на позитивной платформе (большинству данной публики такое было не по зубам), а на том, что именно нужно остановить и кого конкретно уничтожить. Все сходились на том, что нужно остановить революцию, разогнать Советы, заодно свергнуть Временное правительство, если оно вступится за Советы, а там — «как Бог даст».

Деникин был близок к истине, когда писал:

«Они были готовы к любому повороту событий: большевистской атаке, падению правительства, катастрофе на фронте, поддержке диктатуры, а некоторые и к восстановлению самодержавия; но сначала ни о претенденте на трон, ни о диктаторе речи не шло».

Неугомонный Пуришкевич руководил одной подпольной группой, которая называлась Обществом русской географичес-

кой карты. Позже, выступая перед большевистским революционным трибуналом, он описывал свое трудное положение:

«Как я мог пытаться восстановить монархический порядок — который, как я глубоко убежден, будет восстановлен, — если у меня даже на примете не было человека, который, по моему мнению, должен был стать монархом? Скажите мне, кто бы мог им стать? Николай II? Женщина, которую я ненавижу больше всех на свете? Больной цесаревич Алексей? Моя трагедия как монархиста состоит в том, что я не вижу никого, кто мог бы привести Россию в тихую заводь».

Не найдя подходящей кандидатуры в императорской фамилии, эти люди начали искать в другом месте, мечтать о диктаторе, русском Бонапарте или на худой конец Кавеньяке.

Бонапартизм всегда был демократичнее легитимизма. Он не отвергает революцию, но считает себя ее наследником. В результате некоторые из этих групп и тайных организаций со склонностью к бонапартизму временами мечтали о «бескровном путче» и «законной диктатуре», объявленной Временным правительством или узаконенной задним числом по крайней мере частью этого правительства или его главой. Одним из лучших способов совершения «бескровного путча» казалось навязывание Временному правительству беспощадной борьбы с большевиками, в которой не было бы и намека на уступки революционной демократии и которая заставила бы восстать даже небольшевистские и антибольшевистские партии, входившие в Совет. Логика событий делала борьбу с большевиками борьбой с Советами. Это превратило бы Временное правительство в заложника сил, которые обеспечили ему победу, и волей-неволей заставило бы принять их требование об установлении диктатуры. Диктатура рассматривалась как временная мера, чистилище, ведущее в рай монархии — может быть, конституционной, но все же монархии.

Керенскому идея «диктатуры» должна была импонировать. В.Н. Львов, член одного из его кабинетов, позже говорил: «Он же хотел быть диктатором; что ж, в таком случае мы бы сделали его им сами». Согласно Деникину, «первоначальные смутные надежды и офицеры, и либеральные демократы возлагали на генерала Алексева». Еще накануне падения царизма Алек-

сеев до смерти напугал Родзянко своей идеей военной диктатуры. «Позже или, возможно, одновременно многие организации делали предложение адмиралу Колчаку во время его пребывания в Петрограде». В частности, Республиканский центр, который принимал активное участие в корниловском движении, «наладил связь с адмиралом». Согласно Новосильцеву, главному конспиратору Союза офицеров ставки, «конфиденциальные переговоры с Колчаком вел также лидер партии кадетов». И тут на авансцену с помощью Савинкова вышел Корнилов. Все дальнейшие поиски тут же прекратились. «Имя» было найдено. Какие силы объединились вокруг него?

Первой свои услуги Корнилову предложила «офицерская организация, созданная по инициативе генерала Крымова на Юго-западном фронте; в нее входили главным образом части 3-го кавалерийского корпуса и киевского гарнизона, полк Конной гвардии, офицерская и техническая школы и т. д.». Эта организация ждала стихийной катастрофы вроде развала фронта. На случай наступления немцев Крымов планировал медленно отступать внутрь страны, ведя арьергардные бои и сохраняя железную дисциплину. Вопрос формы правления для организации Крымова был необыкновенно труден: в нее входило большое число монархистов, поэтому Крымову как лидеру сильно мешало его прошлое организатора заговора против династии. Пришлось принять политику «неоказания предпочтения» ни монархии, ни республике. Крымов поддерживал тесную связь со своим партнером по первому заговору против Николая II Гучковым и был связан с Временным правительством через Терещенко, тоже участника антимонархического заговора.

Второе место принадлежало Главному комитету Союза офицеров ставки. Под разными легальными предлогами он тайно отправлял «надежных» офицеров в Петроград для создания ударной части. Комитет также пытался контролировать формирование добровольческих ударных батальонов в армейских дивизиях и на узловых железнодорожных станциях, но это продолжалось лишь до тех пор, пока Брусилов не утвердил проект полковника Манакина, который позволял Советам прямо участвовать в этом деле. Комитет установил широкие контакты с родственными организациями и буржуазными партиями. Его

возглавлял полковник Новосильцев, за спиной которого маячила гораздо более крупная фигура — генерал Алексеев.

Деникин пишет:

«Во время московского Государственного совещания между главнокомандующим и Алексеевым состоялась знаменательная беседа:

— Генерал Алексеев, мы должны быть уверены в вашем детище, Союзе офицеров. Примите над ним команду, если считаете, что так будет проще.

— Нет, генерал Корнилов, так будет проще для вас, как главнокомандующего».

В-третьих, существовал ряд петроградских тайных обществ и кругов, позже объединившихся в «военную секцию» при Республиканском центре, созданном в июне. На первых порах Центр заявлял, что поддерживает Временное правительство против большевиков, но затем начал планировать его свержение. Согласно свидетельству председателя Союза воинского долга Ф. Винберга⁹, его военной секцией руководил некий полковник генерального штаба N., а в его отсутствие — другой полковник, Дю Семетьер. В нее входило от двух до четырех тысяч активных членов (иными словами, имевших оружие). Это была реальная сила. Позже выяснилось, что в ее состав входило слишком много «золотой молодежи», которая играла в конспирацию и тратила деньги, собранные для «дела». Согласно генералу Лукомскому, Корнилов установил контакт с этими тайными обществами через полковника Лебедева, основателя Военной лиги. По инициативе Лебедева Корнилов встретился в ставке с двумя петроградскими делегатами (оба были инженерами). «Было решено, — говорит Винберг, — приступить к активным мерам совместно и с разрешения генерала Корнилова, который должен был стать диктатором. Было достигнуто соглашение, что власть в Петрограде захватит генерал Крымов, как только доберется до столицы со специальными частями». Ко времени прибытия отрядов Крымова «главные силы революции уже будут сломлены, так что Крымову останется только установить порядок».

Лукомский добавляет, что представители Республиканского центра говорили о 2000 вооруженных членов, но просили

к концу августа прислать в Петроград 100 офицеров. «Генерал Корнилов согласился и добавил, что офицеры будут присланы с передовой, якобы в отпуск... Удалось достичь соглашения, что все должно быть готово к 26 августа»¹⁰.

Многие участники заговора были убеждены, что в конце августа большевики планируют захватить власть. Эта информация противоречит всему, что мы знаем о реальных намерениях генерального штаба большевиков. Несомненно, этот слух распространялся сознательно, чтобы оправдать готовившийся переворот. Но часть заговорщиков прекрасно знала, что сведения о большевистской акции являются преднамеренной ложью, и даже пыталась сфальсифицировать такую попытку.

В этой связи необходимо упомянуть четвертую группу заговорщиков: Совет Союза казачьих частей, возглавлявшийся беспринципным, но энергичным демагогом, атаманом Дутовым, и Экономический клуб — легальную организацию, за которой скрывалась нелегальная монархистская организация П.Н. Крупенского. В.Н. Львов (позже вызвавшийся быть посредником между Корниловым и Керенским, но потерпевший неудачу) после мятежа Корнилова слышал собственное признание Дутова: «27 августа в Петрограде я должен был действовать как большевик». Псевдобольшевистская демонстрация сорвалась, потому что, согласно словам Дутова, когда в решающий момент он «прибежал в Экономический клуб и позвал людей на улицу, никто за мной не пошел».

Провокация Дутова не состоялась благодаря усилиям противоположной стороны. Накануне три крупнейшие рабочие организации — Исполнительный комитет Совета, Петроградский совет профсоюзов и Центральный союз фабричных комитетов — опубликовали следующее предупреждение:

«Товарищи и граждане, по городу ходят слухи о планирующихся демонстрациях. Говорят, что 27 августа состоится уличная рабочая демонстрация. Контрреволюционные газеты пишут о бойне, которая назначена на 28 августа... Мы, представители рабочих и солдатских организаций, заявляем: эти слухи распространяются *провокаторами* и врагами революции. Они хотят выманить массы на улицу и утопить револю-

цию в море крови. Мы заявляем: ни одна партия рабочего класса и демократии не зовет вас на демонстрацию. Пролетариат и гарнизон Петрограда не поддадутся на провокацию».

Еще раньше с таким же предупреждением выступил Центральный комитет большевиков: «Злоумышленники распространяют слухи о приближающейся демонстрации и ведут агитацию с провокационными целями, якобы от имени нашей партии. Центральный комитет призывает солдат и рабочих не поддаваться на эту провокацию и сохранять полную дисциплину и спокойствие».

Эти маневры позволяют увидеть в другом свете деятельность искусной демагогической газеты «Живое слово», называвшей себя народной и социалистической. Газета хорошо финансировалась. Она из номера в номер призывала к диктатуре, и только к диктатуре. Она выдвигала чисто гитлеровские лозунги за десять лет до появления Гитлера в Германии. Умело спекулировавшая на невежестве и озлобленности низших классов столицы, а особенно на чувствах «раздраженной мелкой буржуазии», эта газета продавалась как горячие пирожки и вызывала недовольство всем и вся.

Корнилову оставалось только соединить все эти элементы в стройный план. Сформулировать его военную составляющую было поручено полковнику Лебедеву и капитану Роженко, в то время как подполковник Голицын и адъютант Завойко отвечали за техническую сторону плана. Искать помощников Корнилову не пришлось. Его вызывающее поведение стало сигналом для всей России. «Представители Союза офицеров во главе с Новосильцевым явились сами и выразили желание работать ради спасения армии. Прибыли делегаты от Казачьего совета и Союза георгиевских кавалеров. Республиканский центр пообещал Корнилову поддержку влиятельных кругов и передал в его распоряжение военные силы петроградских организаций. Генерал Крымов прислал в комитет Союза офицеров гонца с поручением выяснить, правда ли, что «что-то затевается», и сообщить, должен ли он принять 11-ю армию, предложенную ему Деникиным, или оставаться с 3-м корпусом, которому предстоит, как он выразился, «куда-то отправиться». Его попросили остаться с 3-м корпусом».

Военный и конспиративный аспекты корниловского движения были очерчены, но его политическая и социальная стороны остались за кулисами.

Существует множество рассеянной по разным источникам информации, свидетельствующей, как тесно он был связан с землевладельцами и плутократией. Если ее собрать и обобщить, то от мифа о том, что движение Корнилова волновала лишь судьба страны и что его члены не имели ни личных, ни партийных, ни классовых, ни кастовых интересов, не останется камня на камне.

Во время ликвидации мятежа газеты опубликовали следующую новость:

«Москва, 7 сентября. При обыске дома некоего Петрова было найдено 6500 брошюр корниловского содержания. Брошюры конфискованы. Милиция обыскала помещение администрации Союза землевладельцев. Обнаружены плакаты и четыре прокламации генерала Корнилова, распространявшиеся в дни его мятежа».

Это сообщение заставляет вспомнить приказ Корнилова, запрещавший нарушать права землевладельцев в прифронтовой полосе. Этот приказ пытались объяснить исключительно заботой о снабжении фронта, которое зависело в первую очередь от помещичьих имений. Корнилов обещал делегации польских землевладельцев «выделить им части для защиты урожая, необходимого армии». Цели такого выделения интерпретировались совершенно по-разному. На пленарном заседании Главного совета Союза землевладельцев граф Чапский заявил, что подписание приказа было прямым результатом деятельности союза: «Мы получили от командующего декрет о наказании тех, кто мешает нам жать пшеницу и косить сено»¹¹.

Тому, что Корнилов и его сторонники поддерживали кампанию воинствующих русских землевладельцев, удивляться не приходится; правая рука Корнилова Завойко сам был крупным землевладельцем и предводителем дворянства Гайсинского уезда Подольской губернии. Некоторые тайные общества, группировавшиеся вокруг Корнилова, также имели явный аграрный уклон. Совет Союза казачьих частей, возглавлявшийся Дутовым, имел собственную аграрную программу с лозунгом «ни пяди

казацкой земли крестьянам». Говоря более конкретно, этот лозунг означал, что казацкие старшины, отделив рядовых казаков от остального крестьянства и раздувая вражду между казаками и «иногородними», собирались не только сохранить в неприкосновенности земельную собственность своих высших офицеров в целом, но и удерживать в своих руках прибыльное распоряжение незанятыми «военными землями», которые они давали в аренду*. «Республиканский центр считает, что земельная собственность должна сохраниться», — читаем мы в «Воззвании к крестьянам», составленном центральным Корниловским обществом в Петрограде. В нем говорится о том, что эти земли «политы потом отцов и дедов» нынешних владельцев, а потому о передаче данной собственности безземельным не может быть и речи. Военная лига заявила, что решение таких насущных вопросов, как аграрный, рабочий и т. д., является «делом будущего, а не настоящего». Деникин признавался, что «многие участники петроградских организаций принадлежали к правым кругам; эти круги были тесно связаны с дворянством и крупными землевладельцами».

Существует еще одно свидетельство закулисной роли русских землевладельцев в корниловском движении, ускользнувшее от внимания историков революции. О «голливудском» эпизоде этого движения, когда В.Н. Львов (бывший прокурор Священного синода во Временном правительстве) предпринял неудачную попытку примирения, написано много. Львов был человеком искренним, но чрезвычайно бестолковым. Намерения у него были добрые, однако его неловкость привела к чудовищной силе взрыву. В.Н. Львов был родным братом председателя Совета Союза землевладельцев Н.Н. Львова, человека куда более способного. «После моей первой беседы с Керен-

* С середины 1840-х годов донские казацкие офицеры вместо денежных пенсий начали получать участки земли, принадлежавшей Войску Донскому, сначала на пятнадцать лет, а затем пожизненно. Старшие офицеры получали по 200 десятин, высшие офицеры — по 400, отставные генералы — по 800, а действующие генералы — по 1600 десятин. «Казацкие старшины» предложили сделать эти пожизненные владения наследственными, и царское правительство согласилось. Таким образом, смысла лозунга был совсем другим — «ни пяди офицерской земли трудящимся», — но говорить о «казаках и крестьянах» союзу было удобнее.

ким и получения от него согласия расширить коалицию и включить в нее еще более правые партии, чем кадетов, — пишет В.Н. Львов, — я не виделся ни с кем из гражданских лидеров, а просто послал моего брата, Н.Н. Львова, поговорить с разными гражданскими представителями, сообщив ему, что Керенский дал свое согласие». Отсюда следует, что самого В.Н. Львова «послал» к Керенскому именно Н.Н. Львов.

Корнилов также обзавелся своим «аграрным теоретиком», профессором Яковлевым. Тот составил собственный аграрный проект, чтобы подорвать земельную реформу, основанную на проекте Чернова. Суть этого проекта заключалась, во-первых, в том, что землю нужно безвозмездно передать не всем крестьянам, а только солдатам с передовой, честно исполнившим свой долг, или их семьям; во-вторых, при «национализации» земли предлагалось делать многочисленные и сильно растяжимые исключения в пользу землевладельцев. Эти две особенности делали проект полезным орудием диктатуры.

Вожди российской плутократии также пытались прятаться за кулисами, но все же не смогли скрыть свое участие в корниловском движении.

Британский посол Бьюкенен писал, что он узнал о заговоре от его участника, «крупного финансиста». Керенский жаловался, что еще в апреле, а то и раньше владельцы банков и директора финансовых организаций создали специальный фонд для поддержки тайных антиправительственных и антисоветских групп. По его сведениям, эти люди поручили Завойко «подыскать генерала», который предложит им свой меч. До революции Завойко был связан с кружком Распутина; говорили, что, если бы не убийство Распутина, он стал бы министром финансов. Во всяком случае, он претендовал на данный пост в кабинете Корнилова.

Керенский обвинял эти круги, не имея твердых доказательств; они были найдены только впоследствии. В реестре московского филиала Союза офицеров ставки за № 19 мы находим расписку в получении от Всероссийского союза торговли и промышленности 10 000 рублей. После специальной миссии Главного комитета Союза, проведенной в Москве и Петрограде, были получены «добровольные пожертвования от штатских

лиц» в размере 3500, 4000, 10 000 и 16 000 рублей. Анонимное Общество экономического возрождения России через нашего старого знакомого Родзянко передало 100 000 рублей, предназначенных для помощи не менее таинственной и, возможно, фиктивной Партии свободы и порядка с лозунгом «Кто против порядка, тот против свободы». Вскоре выяснилось, что это была вовсе не партия, а «беспартийная военная организация», созданная «для борьбы с влияниями, деморализующими армию»; иными словами, одна из групп, тяготевших к Республиканскому центру. О последнем Деникин говорит, что тот имел одно важное преимущество над всеми остальными: у него были финансовые средства. Эти средства обеспечивала богатая буржуазия, которая «подняла тревогу после июльских дней, показавших слабость Временного правительства, и предложила [Республиканскому центру. — *Примеч. авт.*] свой первый финансовый взнос, чтобы спасти Россию... от неминуемо надвигавшейся опасности большевизма». Представители банковской, торговой и промышленной аристократии не вступали в ряды таких организаций «из страха быть скомпрометированными в случае неудачи»¹².

Но кто именно входил в их число? Летом 1917 г. представители Союза офицеров ставки доложили о серии шагов, предпринятых для установления связей с гражданскими организациями. «Русские гражданские группы, особенно кадетские, обещали нам свою полную поддержку. Мы встречались с Милюковым и Рябушинским. Обе группы сулили нам помощь союзников, правительства, прессы, в том числе и финансовую... Московская группа приняла нас радушно, петроградская держалась уклончиво. Группа Рябушинского была более стоворчива».

Во время триумфального приема Корнилова в Москве на открытии Государственного совещания представительница одного из старейших купеческих родов, миллионерша госпожа Морозова встала перед ним на колени.

Троих представителей, торгово-промышленной буржуазии — Третьякова, Сироткина и Рябушинского — пригласили на тайное совещание ставки для обсуждения вопроса о формировании правительства Корнилова.

Позже, 12 сентября, когда «люди Корнилова» уже сидели в тюрьме, генерал Алексеев писал Милюкову: «Я не знаю адресов господ Вышнеградского, Путилова и т. д. Семьи арестованных офицеров начинают голодать. Я очень прошу помочь им. Нельзя позволить голодать тем, кто был связан с тобой общностью идеалов и планов». Иначе «генерал Корнилов будет вынужден подробно объяснить суду все приготовления, все сделки с лицами и кругами и рассказать об их участии, чтобы показать русскому народу, с кем он шел рука об руку».

Было упомянуто только несколько имен. Но Вышнеградский, Путилов, Рябушинский, Сироткин, Третьяков и клан Морозовых были сливками российского делового мира.

Слияние корниловского движения с классовыми организациями крупной буржуазии и землевладельцев требовало своего логического завершения — союза с прежними политическими представителями этих кругов, остатками царской Государственной думы.

Шиловский пишет:

«Примерно в это время группа молодых офицеров ставки выразила желание провести конфиденциальные переговоры с некоторыми из наиболее видных членов Думы. Было создано небольшое и абсолютно тайное совещание. Офицеры заявили, что они уполномочены Корниловым сообщить Думе: на фронте и в ставке все готово для свержения Керенского; требуется лишь согласие Думы на заявление о том, что переворот совершается в ее пользу и, так сказать, при ее поддержке. Члены Думы отнеслись к этому предложению очень осторожно и после тщательных расспросов пришли к выводу, что дело организовано недостаточно серьезно»¹³.

В этом свидетельстве речь явно идет о московском визите специального эmissара ставки полковника Роженко, состоявшемся в первой декаде августа. Согласно Деникину, «в апартаментах видного кадетского лидера прошло совещание влиятельных членов Думы и других политических вождей». После очень поверхностного доклада Роженко о назревшем конфликте между Корниловым и Керенским, возможном использовании кавалерийского корпуса для предотвращения большевистского путча, ликвидации Советов, а заодно и правительства

стало ясно, что «все сочувствовали, но никто не верил в успех или не желал связывать с ним себя или политическую группу, которую он представлял». Через несколько дней дискуссия возобновилась «в более широком кругу либеральных и консервативных гражданских лидеров». Милюков от имени партии кадетов выразил «сердечное сочувствие намерению ставки положить конец засилью Советов и разогнать их, но чувства масс таковы, что партия не может оказать ставке никакой помощи». Родзянко также заявил, что Государственная дума абсолютно «бессильна», но в случае успеха может быть «гальванизированной» и сумеет принять участие в «организации правительства».

Корниловские офицеры не были удовлетворены приемом, который встретили в этих кругах. Симпатии мятежу выражались сугубо платонические. Выслушав их, один офицер заключил: «Как ни прискорбно, но приходится признать: мы одни». Вывод был правильным. В критический момент политические круги, приветствовавшие переворот, не смогли бы вывести на улицу ни одного человека. У этого политического штаба уже давно не было и намек на армию, которая могла бы ответить на его призыв. Контрдемонстрация в защиту Милюкова перед его отставкой, прозванная «демонстрацией котелков», была предпоследней попыткой оживить эти силы. Последней стала попытка организовать приветственную встречу Корнилова, прибывшего на московское Государственное совещание; но на эту встречу собрались почти исключительно молодые офицеры — те самые, которые тщетно искали эффективной поддержки со стороны гражданского населения. Корниловское движение приобрело фасад, который украшали имена вчерашних звезд «высокой политики»; этот фасад обладал большими связями и влиянием, пользовался авторитетом у союзников и журналистов и имел деньги. Он мог оказать моральную поддержку, выдвинуть лозунг государственного переворота, создать для него благоприятную общественную и политическую атмосферу, «нажать» на правительство — вот и все. Если бы заговор удался, эти круги утвердили бы его результаты, увенчали лаврами его лидеров и двинулись вперед с открытым забралом; но в случае неудачи они попытались бы спасти свою шкуру и вновь затаиться до лучших времен.

В таких условиях фасад начал действовать. Он сделал попытку мобилизовать практически те же силы, которые когда-то мобилизовал против самодержавия, всего-навсего сдвинув свой фронт слегка налево. Все несоциалистические силы объединились в общий антисоциалистический блок. Как и раньше, его душой стал Милюков, а формальным лидером — Родзянко. Блок был создан на «малом совещании гражданских лидеров», предшествовавшем московскому Государственному совещанию. «Участовавшие в нем три с небольшим сотни человек, — пишет Милюков, — представляли самые разные политические группы и тенденции, от лидера кооперативного движения Чайнова до землевладельца князя Кропоткина». Его положительная платформа была определена как «создание сильного национального правительства для спасения единства России» (формула князя Трубецкого); отрицательная — как «борьба с влиянием Советов на правительство»¹⁴. Керенский рвал и метал. Он говорил Кокошкину: «Милюков организовал «прогрессивный блок» против Временного правительства так же, как однажды организовал его против Николая II». Деникин соглашался с Керенским: «Если многие представители нового «прогрессивного блока» — каким в сущности было «совещание гражданских лидеров» — не были поставлены в известность о точных датах, то они, по крайней мере, сочувствовали идее диктатуры; одни догадывались, другие знали о предстоящих событиях».

Состав нового блока практически совпадал с составом старого; его лидеры были теми же. Но на сей раз это был либерально-консервативный блок. Например, главной на совещании была речь Алексеева; этот человек, выдвинувший идею военной диктатуры еще при царизме, в старом «прогрессивном блоке» был бы невозможен. То же самое можно сказать о лидере Союза землевладельцев князе Кропоткине (которого не следует путать со знаменитым теоретиком революции). Теперь, когда этот блок выступал не против Николая, а против Временного правительства, его следовало бы называть не «прогрессивным», а «регрессивным».

Во время «малого совещания» распространился слух, что между Керенским и Корниловым произошел конфликт и что

Корнилову грозит увольнение. Это расстроило бы все планы заговорщиков. Союз офицеров ставки уже назвал «врагами народа» всех, кто смел критиковать Корнилова, и поклялся поддерживать его «до последней капли крови». Совет Союза казачьих частей объявил Корнилова «бессменным» командующим; в случае его увольнения совет угрожал «снять с себя всякую ответственность за поведение казачьих частей на фронте и в тылу». Союз георгиевских кавалеров высказался еще более воинственно: «Это станет сигналом, после которого все георгиевские кавалеры присоединятся к казакам». «Малое совещание» поторопилось «добавить свой голос к голосам офицеров, георгиевских кавалеров и казаков». Его обращение к Корнилову звучит как призыв к действию: «В этот грозный час суровых испытаний вся Россия смотрит на вас с надеждой и верой».

Когда Корнилов приехал в Москву, бард кадетов Родичев закончил свое приветствие следующими подстрекательскими словами: «Спасите Россию, и благодарный народ коронует вас».

Деникин правильно пишет: «Не приходится удивляться тому, что эти люди иногда испытывали угрызения совести. Маклаков говорил Новосильцеву: «Скажите генералу Корнилову, что мы подталкиваем его к действию, особенно М. Но если что-нибудь пойдет не так, никто из них не поддержит Корнилова, они все убегут и попрячутся»¹⁵.

Маклаков говорил горькую правду. Первым убежал формальный лидер нового блока Родзянко. Как только стало ясно, что замысел Корнилова провалился, Родзянко через газету «Русское слово» тут же отрекся от всякого участия в движении.

Позиция Милюкова была более трудной. Во время паники, поднятой мятежом Корнилова, он едва не поднял забрало. В кадетской газете «Речь» от 30 августа вместо его обычной редакционной статьи красовалась купюра. Но наборщики тут же принесли в Совет доказательство того, что статья была спешно убрана, когда поступила последняя новость об изменении ситуации. В ней Милюков чрезвычайно тепло приветствовал нового диктатора. Позже кадетская пресса писала о «преступных» методах корниловского движения, смягчая это утверждение упоминанием о его благородных целях. Краси-

вым такое поведение не назовешь. Сам Миллюков предпочел на время покинуть политическую арену и уехал в Крым.

В начале июня 1917 г. В.Н. Львова пригласил к себе на квартиру Шульгин, который еще в марте мечтал расстрелять толпу из пулеметов. При этой встрече присутствовал полковник Новосильцев, один из вождей заговора. «Шульгин ошеломил меня, сказав, что для переворота все готово; он хотел предупредить меня, что после 15 августа я должен немедленно подать в отставку». Львов сразу же согласился последовать совету. 21 августа, когда он уже не был членом правительства, такое же предупреждение через него доставили одному из кадетских министров. Инициатива исходила от генерала Лукомского. Кадетам было рекомендовано подать в отставку к 27 августа, чтобы затруднить позицию правительства и спасти собственные шкуры. Слова Львова подтверждает В.Д. Набоков, бывший генеральный секретарь Временного правительства. Он передал предупреждение Львова трем кадетским министрам — Кокошкину, принцу Ольденбургскому и Карташеву. Другим членам правительства таких предупреждений не поступило: именно это называлось у кадетов «практичной коалицией». Все четыре министра-кадета подали в отставку вечером 25 августа, буквально выполнив указание ставки. Правда, Кокошкин еще до того по собственной инициативе испробовал метод «подрыва правительства». 11 августа, накануне московского Государственного совещания, он внезапно сказал Керенскому, что «подаст в отставку, если программа Корнилова не будет принята сегодня же». Керенский «был ошеломлен». Уход кадетов из правительства «сделал бы дальнейшее поддержание равновесия в стране невозможным». После этого Государственное совещание стало бы ареной ожесточенной борьбы; можно было бы ожидать какой-нибудь авантюрной выходки со стороны правых вроде требования создать «сильное правительство» — иными словами, установить диктатуру.

Корнилов считал, что в его движении принимает участие вся кадетская партия. После провала мятежа генерал, находившийся в могилевском госпитале под охраной, передал через князя Трубецкого следующий приказ: «Скажите им, что ни один кадет не должен войти в правительство». Деникин излагает содер-

жание беседы между князем Трубецким и Корниловым: «Политику и публичному оратору пришлось потратить много времени, чтобы убедить военного, что предъявить такое требование может только человек, получивший от партии кадетов очень конкретные обещания». Такие обещания давались только Корнилову-победителю, но не Корнилову-неудачнику.

Борьба между Корниловым и Керенским началась. Третий элемент, Савинков, включился в нее с самого старта.

Савинков и его «второе я» Филоненко утверждали, что «Корнилова создали они». Корнилов должен был стать тем мечом, который разрубит гордиев узел восстановления боеспособности армии и решения вопроса войны и мира. Савинков со своей громкой славой революционера и террориста должен был стать «демократическим щитом» Корнилова и защищать его от ударов слева. Во-вторых, Савинков и Филоненко, имевшие влияние на Керенского, могли легко добиться выполнения требований Корнилова. Без Керенского успех становился сомнительным. Его участие должно было устранить все препятствия. Савинков рассчитывал, что выполнение главных пунктов программы Корнилова с помощью Керенского (как члена триумvirата) и поддержки, обещанной кадетами, «заставит меньшинство, включая Чернова, подать в отставку. Кроме того, проголосовав за законопроект, Керенский бы *ipso facto* [в силу самого факта (*лат.*)]. — *Примеч. пер.*] занял позицию, враждебную Петроградскому совету»¹⁶. Правительство и Совет объявили бы, что в стране произошел кризис власти, что кабинет министров будет восстановлен после окончания войны, а до того времени назначается реальная или формальная директория из трех—пяти человек, куда непременно вошел бы и Корнилов. Псевдолегальный государственный переворот достиг бы той же цели, что и личная диктатура, но при этом без всяких опасностей, связанных с установлением последней. Видимо, Корнилову внушили, что «директория» будет всего лишь переходом к настоящей диктатуре. Разницы он не чувствовал. «Пусть будет директория, но мы должны действовать быстро, время ждать не будет». 25 августа Корнилов договорился с Филоненко о составе будущей директории из трех человек — Керенского, Корнило-

ва и Савинкова. На следующий день после более продолжительной беседы с Филоненко Корнилов и два его политических *ciceroni* [гида (*ит.*). — *Примеч. пер.*] Завойко и Аладьин разработали проект Совета национальной обороны, председателем которого должен был стать Корнилов, заместителем председателя Керенский, а членами — Алексеев, Савинков, Колчак и Филоненко.

С точки зрения революционной демократии эти планы были преступлением против революции, хотя Керенский с такой оценкой не согласился бы. Справедливости ради напомним, что после подавления мятежа сам Керенский, продолжавший быть премьер-министром, военным и морским министром, а теперь еще и исполнявший обязанности главнокомандующего, принял «правительственную схему» Корнилова, но только сам занял место Корнилова. Затем с четырьмя министрами он действительно создал директорию, или «совет пяти». В конце концов, идея Корнилова о Совете национальной обороны была всего лишь развитием идеи самого Керенского о триумvirате.

Собственно говоря, борьба между «людьми Корнилова» и «людьми Керенского» была борьбой личностей, а не идей. Ясно, что причиной конфликта являлась военная программа Корнилова. В разгар «подковерной борьбы» триумvirат устами Некрасова объявил, что у Керенского и Корнилова нет двух разных программ, а есть только два разных метода осуществления одной и той же программы. После подавления корниловского мятежа Керенский пытался доказать, что он всегда был против введения смертной казни в тылу и милитаризации фабрик и железных дорог. Однако секретная телеграмма Бьюкенена Бальфуру (№ 1332) доказывает обратное:

«Керенский, как меня заверил Терещенко, соглашался с Корниловым и в принципе одобрял использование смертной казни для некоторых типов преступлений против государства, совершенных солдатами и гражданскими лицами, но кадетские министры возражали против последнего, боясь, что смертная казнь может быть использована в политических целях против тех, кто содействовал контрреволюции».

Керенский все больше и больше склонялся к «политике Корнилова без Корнилова». Если раньше Керенский продолжал продвигать Савинкова, несмотря на предупреждения Центрального комитета партии эсеров, то теперь он резко изменил свое отношение к нему. Савинков «хотел, чтобы государственную политику вершил не один человек, Керенский, а трое — Керенский, Корнилов и я; Керенский заявил, что он никогда не позволит этого»¹⁷.

Конечно, Керенский предпочитал старый триумвират (он сам, Некрасов и Терещенко) новому. Им было легче управлять. Но старый триумвират уже раскололся. Некрасов стал его левым флангом, а Терещенко — правым. Преемник Милюкова Терещенко был импровизацией, шуткой или капризом истории. Изю всех качеств, необходимых дипломату, он обладал одним-единственным: умением одеваться и изящными манерами. Его способность ориентироваться в ситуации и приспосабливаться к ней не знала себе равных; в этом отношении он был гением. «Как министр иностранных дел он стремился следовать политике Милюкова, но так, чтобы Совет рабочих депутатов не мешал ему. Он хотел дурачить всех, и временами это ему удавалось... Но нигде, ни в одном социальном кругу он не сумел пустить корни, никто не принимал его всерьез. *Ce n'était pas un caractere* [Это был не тот человек (фр.). — Примеч. пер.]»¹⁸.

16 июля Бьюкенен тайно сообщил Бальфуру о любопытном образе мыслей Терещенко: «Удар, полученный нами на Юго-западном фронте, может пойти на пользу России, — заявил он. — Несомненно, враг спас Россию... Он помог правительству восстановить смертную казнь, усилить свои позиции, подчинить себе крайние партии и восстановить единство страны». Это «пораженчество» заставило Терещенко перейти на платформу Корнилова. 21 июля Бьюкенен телеграфировал в Лондон: «Терещенко... сказал Керенскому, что он не останется в правительстве, если оно не начнет действовать решительно. Остается только одно: введение военного положения во всей стране, использование военно-полевых судов против железнодорожников и принуждение крестьян к продаже зерна. Правительство должно признать генерала Корнилова; несколько

членов правительства должно оставаться в ставке для постоянной связи с ним. На мой вопрос о том, разделяет ли его взгляды Керенский, Терещенко ответил утвердительно, но сказал, что у премьера связаны руки»¹⁹.

Все расчеты Савинкова и Филоненко основывались на этих взглядах Керенского и его друзей. Но чем сильнее они пытались стать верховными арбитрами в споре Корнилова и Керенского, тем меньше им доверяли и тот и другой. Корнилов «никогда не знал, кому Савинков собирается нанести удар в спину — ему или Керенскому». У генерала были собственные осведомители. Сам он плохо разбирался в людях. Кроме того, Корнилов жаловался, что ему не из кого выбирать. Его политическому окружению были свойственны «авантюризм и легкомыслие», доходящие «до абсурда». Согласно Керенскому, Завойко был при Корнилове эмиссаром банкирских и промышленных кругов. Аладьин, экс-член Думы, лидер фракции трудовиков, был демагогом чистой воды. После столыпинской реакции он тайно перешел на сторону правительства и работал в «Новом времени» Суворина. Он был специально вызван в Россию секретной телеграммой Бьюкенена Бальфуру²⁰. Не приходится сомневаться, что его поездки и деятельность финансировались британским правительством. Аладьин пытался встретиться с Керенским и убедить его провести изменения в правительстве, необходимые «для завоевания доверия класса промышленников, землевладельцев, умеренных партий и военного командования»²¹.

Бьюкенен не скрывал, что «все его симпатии находятся на стороне Корнилова». Однако он утверждал, что был против военного переворота и настаивал на соглашении между Корниловым и Керенским. Мы уже знаем о его переговорах с «финансистом, который был участником заговора». Как дуайен дипломатического корпуса, Бьюкенен предлагал от имени последнего стать посредником между Временным правительством и генералом. В своем дневнике Бьюкенен писал: «Делать больше нечего, остается только ждать развития событий и верить, что у Корнилова хватит сил преодолеть сопротивление, которое ему окажут в ближайшие дни»²². Иностранцы военные представители при ставке были еще откровен-

нее: «Многие из них в те дни встречались с Корниловым, веряли его в своем уважении и желали ему успеха; особенно трогательно это выразил британский атташе»²³. Генерал Нокс был так тесно связан с Завойко и Аладьным, что практически являлся участником заговора. Эта связь пережила корниловский мятеж. Во время Версальской мирной конференции лорд Милнер предложил ее участникам выслушать «представителя России», некоего «капитана Курбатова»; единственным человеком, которому позволили выступать в Версале от имени России, был не кто иной, как Завойко. Из телеграмм Бьюкенена явствует, что британский посол очень встревожился, когда одна московская газета сообщила об участии английских представителей в движении Корнилова, и выразил Терещенко благодарность за обещание заткнуть этой газете рот.

Помощники Корнилова уже прикидывали состав будущего кабинета, не забывая при этом и себя. Завойко претендовал на портфель министра финансов, Аладьин — на портфель министра иностранных дел; для уверенности в поддержке Савинкова и Керенского они оставили места и для последних. Оставаясь наедине, они вели откровенные разговоры. Утолить гнев офицеров могла бы только смерть Керенского. Хотя Корнилов приглашал Керенского в ставку и гарантировал ему в Могилеве полную неприкосновенность, однако всегда оставался шанс, что его убьет кто-нибудь из случайных добровольцев. С другой стороны, во время каждого визита Корнилова в Петроград по вызову правительства ставка волновалась, вернется ли он оттуда живым. Корнилов ездил в Зимний дворец в сопровождении двух машин с пулеметами. Верный ему Текинский полк держал пулеметы в вестибюле дворца и ожидал там.

В этот трудный момент Керенский, который не мог оставаться равнодушным к падению собственной популярности, попытался восстановить ее. Он созвал так называемое Государственное совещание с участием всех организованных сил России. Разделение мест между организациями, неравными по размерам и значению, имело практически одну цель: сохранить количественное равновесие между рабочими и буржуазными партиями. Нейтральная группа кооператоров (единственная, в которой был уверен Керенский) должна была

обеспечить небольшое преимущество той или иной стороне. Это шаткое равновесие противоборствующих сил оставляло за правительством ту же роль верховного арбитра, которую Керенский и его триумvirат играли в самом Временном правительстве, балансируя между равными по силам левым (советским) и правым (цензовым) крылом.

Перед Государственным совещанием все внутренние и внешние отношения правительства были очень напряженными. Корнилов истощил запасы терпения Керенского, несколько раз публично назвав последнего слабым, неискренним и недостойным доверия. Кадеты предъявили премьеру свой ультиматум. Импульсивность Савинкова перешла все границы. Наконец Керенский решил позволить ему уйти в отставку. Временами Чернов в одиночку воевал против всех и, ничего не добившись, грозил с шумом уйти из правительства и вернуться в Совет. Большевизм набирал силу в обеих столицах. Умеренные советские партии все яснее ощущали необходимость сдвига правительственного курса влево. Керенский нуждался в поддержке, чтобы сопротивляться этому требованию, но «малое совещание» вырыло пропасть на его правом фланге. Разделение участников Государственного совещания на два непримиримых лагеря было неизбежно.

Керенский планировал напугать два эти лагеря их непримиримостью и предложить себя на роль «верховного судьи». («Он уехал в Москву короноваться», — шутили журналисты.) Он хотел противопоставить реалиям классово-национальной и партийной вражды некий священный предмет — нет, мистическое Высшее Существо по имени «Государственность» и себя самого в качестве его первосвященника. Он хотел потребовать подчинения огромной, простой, всеобщей и всеобъемлющей силе национального самосохранения. Временное правительство согласилось с Керенским. Лишь два министра сочли этот замысел мелким и бесполезным, хотя и грандиозным с виду: крайне правый Кокошкин и крайне левый Чернов. В первый и последний раз они вместе голосовали против большинства.

По мере приближения совещания Керенский все более четко видел свою вторую практическую цель: точно определить угрожавшую ему опасность. Его верный помощник Некрасов,

выйдя в Москве из поезда, с тревогой спросил пришедшего на вокзал москвича, что здесь замышляется. Милюков, руководивший всей кампанией по моральной и политической поддержке заговора Корнилова, утверждает, что «ничего определенного не планировалось... не было сделано ни одной попытки создать так называемое «сильное правительство» или что-нибудь в этом роде ни на самом совещании, ни силой»²⁴.

Этому утверждению противоречит широко известный инцидент. Во время московского совещания на Петроград начал наступление корпус одного из участников корниловского мятежа, князя Долгорукого. Оно было вовремя остановлено генералом Васильковским, командующим Петроградским военным округом. 7-й Оренбургский казачий полк одновременно двинулся на Москву, но его перехватил командующий Московским военным округом генерал Верховский. Противоречат ему и показания семи юнкеров, охранявших здание, в котором проходило совещание. Командир охраны капитан Рудаков сказал им, что совещание решит, кто из трех генералов (Алексеев, Брусилов или Корнилов) станет военным диктатором, что Советы, «развалившие и развратившие армию и народ», будут уничтожены, а нынешнее Временное правительство заменят «честные и способные люди, заслуживающие высокого звания правителей народа». Часть юнкеров обратилась к Московскому совету с протестом против их «использования в качестве слепой физической силы для осуществления некой политической интриги с целью нанести ущерб революции и свободе, которую они завоевали»²⁵.

Возможно, во время Государственного совещания ни одна сторона не собиралась нападать на другую. Но каждая сторона ожидала атаки противника и «готовилась» к ней. Обращает на себя внимание, что после прибытия в Москву Корнилов и Керенский не встретились. Когда курсанты 6-й офицерской школы, юнкера Александровского училища и неизменно верный Текинский полк кричали «ура!» и несли Корнилова на плечах, Керенский принимал парад частей Московского гарнизона, устроенный в его честь революционным генералом Верховским. Казалось, что военный министр и главнокомандующий демонстрировали друг другу свою военную мощь.

Ситуация была ясна; московское совещание лишь подвело ее итоги. Правые обвиняли рабочих в чрезмерных требованиях и расхищении государственной казны, крестьян — в захвате земли, национальные меньшинства — в «выборе смертельно опасного момента для нашей общей родины, чтобы разорвать узы, связывавшие нас веками», а правительство — в «потворстве» чрезмерным требованиям всех трех групп. «Правительство должно признать, — требовали правые, — что оно вело страну по неверному пути, и перестать служить утопиям». Милюков высмеивал желание советских партий «направить буржуазную революцию в социалистическое русло руками так называемой буржуазии». Представитель Союза землевладельцев заявлял, что он предпочитает «черный передел» «черновскому переделу». Генерал Каледин и Макаков нападали на Чернова косвенно, требуя, чтобы «на министерской скамье не было ни одного циммервальдца». Левая часть зала ответила им овацией, устроенной Чернову. Генерал Каледин протестовал против «кражи государственной власти» произвольно созданными местными органами и требовал «упразднения всех Советов и комитетов». Все левые ответили ему хором: «Долой контрреволюцию!»

Атаки старых генералов отразил представитель организаций солдат-фронтовиков Кучин. Он выступил за демократизацию армии и показал, что без помощи комитетов и комиссаров командование будет бессильно. Представитель казаков-фронтовиков Ногаев отрицал право атаманов выступать от имени простых казаков. Его выступление прерывали оскорбительными выкриками, один из которых едва не закончился серией дуэлей. В знак протеста солдаты остались сидеть, когда весь зал встал с мест, чтобы приветствовать генерала Корнилова.

Но полемика и стычки для левых интереса не представляли. Чхеидзе перечислил совещанию то, что правительство должно было сделать, но не сделало: принять широкую программу неотложных реформ, которые позволили бы создать единый фронт демократии трудящихся. Такая программа была подписана организациями, не входившими в Советы, поддержана большинством представителей Всероссийского союза земств и

городов, Союзом служащих государственных, гражданских и частных учреждений, Исполнительным комитетом Объединения гражданских организаций, представителями Всероссийского железнодорожного съезда, центральным и столичными комитетами Всероссийского союза инвалидов войны, представителями организаций фронтовых и армейских частей и, наконец, представителями российских кооперативов. В стороне остались только высшие круги общества. Их изоляция была удручающей.

Церетели пытался сделать политические выводы. Он обратился к буржуазной части аудитории со следующими вопросами: готова ли она работать с демократией рука об руку, чтобы победить экономическую анархию с помощью планового хозяйства и ускорить перемены в обществе? Его речь вызвала аплодисменты даже у правых; представитель деловых кругов Бубликов ответил, что рука, протянутая демократами, не встретит пустоту; однако их символическое рукопожатие осталось всего лишь жестом.

Вступительная и заключительная речи Керенского были настоящим гимном власти — власти, которая объединяет людей в государство и имеет собственные требования и интересы. Однако эта абстрактная власть величественно игнорировала социальное содержание, которое только и придает значение форме. Керенский так и не удосужился объяснить позицию правительства по отношению к программе демократии. В старомодном риторическом стиле проповедей и царских манифестов он требовал подчинения «Воле Верховной Власти» и ему самому, «как Верховному Главе». Он злобно обрушился на тех, кто «дерзал произносить против Верховной Власти и Российского Государства слова, за которые их формально следовало бы призвать к ответу по обвинению в *lese majeste* [оскорблении величия (*фр.*). — *Примеч. пер.*]». Он грозил «кровью и железом» защитить порядок от его насильственного нарушения как правыми, так и левыми, «заставить людей вспомнить то, что когда-то называли автократией», а если понадобится, «погубить свою душу, но спасти государство». В заключительной речи Керенский пытался развить этот лейтмотив до трагических высот, переходя от пате-

тического шепота к бессвязным восклицаниям. Вместо обсуждения своей политики он обсуждал свою психологию. Он хотел управлять с помощью убедительных слов, способных пробудить гражданскую совесть, но теперь вынужден прибегнуть к суровым мерам. Если понадобится, он вырвет из своей души самые лучшие, самые нежные цветы мягкости, доброты и кротости и растопчет их ногами. Его сердце превратится в камень, он запрет его на замок и выбросит ключ в море. Истерика оратора начала вызывать истерику в ложах, где сидели женщины. Встревоженные члены правительства, сидевшие рядом с Керенским, ждали, что его речь вот-вот закончится нервным приступом. Вместо того чтобы продемонстрировать силу, он показал свою горячую слабость, пытаясь искупить ее властными интонациями и преувеличенной жестикуляцией.

Согласно плану правительства, принятие общего решения совещания голосованием предусмотрено не было — даже в том случае, если бы кто-то выразил такое желание. Десятки ораторов выступали по очереди, но никто не пытался подвести итог этих выступлений. Цель совещания так и осталась неясной, а его ценность — проблематичной. Его искусственно подобранный состав и туманное назначение вызвали недоумение. Возникло подозрение, что Государственное совещание должно было заменить бесконечно откладывавшееся Учредительное собрание. В рабочих районах Москвы враждебное отношение к Государственному совещанию было столь сильным, что большевикам, которые решили бойкотировать его, не составило труда организовать всеобщую забастовку в знак протеста.

Советская демократия, отнесшаяся к идее проведения совещания без энтузиазма, попала в неблагоприятное положение. Она неохотно выполнила свой долг перед коалиционным правительством, в котором коалиция была лишь голой формой, лишенной содержания, и сделала на совещании все, что могла. Керенский достиг своей цели. Он пригрозил и правым, и левым, и организаторам военного путча, и большевикам, но достиг только одного: вызвал у обоих лютую ненависть.

- ¹ *Верховский АМ.* Россия на Голгофе- С. 108.
- ² *Станкевич.* Воспоминания. С. 224.
- ³ *Деникин.* Очерки... Т. 1. Ч. 1. С. 77; Т. 1. Ч. 2. С. 189-190.
- ⁴ *Савинков Б.В.* К делу Корнилова. Париж, 1919. С. 5.
- ⁵ *Керенский А.* Из воспоминаний // Современные записки. Т. 39. С. 232.
- ⁶ *Деникин.* Указ. соч. Т. 1, Ч. 2. С. 192.
- ⁷ *Брусилов.* Мои воспоминания. С. 215; *Деникин.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 174; *Лукомский.* Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 2. С. 42—43; Из дневника генерала Алексеева // Русский исторический архив. Т. 1. С. 35.
- ⁸ *Керенский.* Из воспоминаний. С. 232—234.
- ⁹ *Винберг Ф.* В плену у обезьян: Записки контрреволюционера. Рукопись отсутствует; известны лишь выписки из нее, сделанные П.Н. Милюковым п Киеве.
- ¹⁰ *Лукомский.* Воспоминания. Т. 1. С. 232.
- ¹¹ *Чаадаева О.* Корниловщина. М- 1930. С. 30-31.
- ¹² *Деникин.* Указ. соч. Т. 2. С. 27.
- ¹³ *Шидловский.* Воспоминания. Т. 2. С. 141.
- ¹⁴ *Милюков.* История... Т. 1. Ч. 2. С. 113.
- ¹⁵ *Деникин.* Указ. соч. Т. 2. С. 31. Напротив, Милюков, намек на которого содержится в этой цитате, утверждает, что во время долгой беседы с Корниловым он предупредил генерала о возможности решительной борьбы против Керенского и не услышал серьезных возражений. Кто из них прав. Маклаков или Милюков, мог бы ответить только Корнилов, если бы он не умолк навсегда. Касаясь этой темы, Деникин пишет: «В таких деликатных вопросах документальные следы остаются редко, но со временем все же находятся».
- ¹⁶ *Савинков.* Указ. соч. С. 18.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. С. 46.
- ¹⁹ Иностранные дипломаты о революции 1917 года // Красный архив. Т. 5 (24). С. 152—154.
- ²⁰ Телеграмма № 396: «Сюда следовало бы приехать Алексею Аладьину, члену второй Думы, который долго жил в Англии. С ним можно было бы посоветоваться о приезде остальных».

- ²¹ *Чаадаева*. Указ. соч. С. 65.
- ²² *Buchanan George, sir*. My mission to Russia and other diplomatic memories. Boston, 1923. Vol. 2. P. 175, 182, 185.
- ²³ *Деникин*. Указ. соч. Т. 2. С. 63.
- ²⁴ *Милюков*. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 116, 126, 148.
- ²⁵ *Чаадаева*. Указ. соч. С. 51-54.